

От редколлегии

П.Ю. Уваров

Институт всеобщей истории
Российской академии наук

«СОБЫТИЙНАЯ ИСТОРИЯ» И «ИСТОРИЯ-ПРОБЛЕМА» НА ФОНЕ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОГО КРИЗИСА XVII В.

Всем участникам данного издания был в свое время разослан текст, который мы воспроизводим здесь целиком:

В 2018 году исполняется 400 лет весьма значимым событиям: в 1618 году началась Тридцатилетняя война, а в России закончилось Смутное время.

Каждое из этих событий стало завершением каузальной цепи, восходящей к одной и той же дате – 1598 г.; каждое из них открывало новый период, завершившийся к 1648 г. Эти пятьдесят лет были чрезвычайно тяжелым этапом в жизни Европы – практически повсюду наблюдалась катастрофическая убыль населения, «большие бедствия войны», мятежи, политические потрясения и последние вспышки религиозных войн. Но этот период оказался чрезвычайно важным для становления государств нового типа и нового мирового порядка.

Правомерно ли говорить о связанности социально-политических процессов на Западе и в России? Во многом это были миры, отличные друг от друга в цивилизационном плане, что не мешает синхронизировать историю Запада и Востока Европы в этот период.

На западе Европы	На востоке Европы
1598 Подписание Вервенского мира и смерть Филиппа II перевели конфессионально-династическое противостояние Габсбургов и их противников в относительно мирную форму, позволявшую сторонам накапливать силы, избегая прямого столкновения. Помимо ряда случайностей, например – убийства Генриха IV, этому препятствовала и общность интересов Запада в войне с Турцией («Долгая» или «15-летняя война» в Венгрии). Однако католики и протестанты испытывали друг друга в локальных конфликтах или, как сегодня принято говорить, в «опосредованных войнах» (proxu war). Среди таких конфликтов – Юлих-Клевская война. На северо-востоке Европы аналогичными были польско-шведские войны в борьбе за Прибалтику и часть польских земель, а также военные действия в России в Смуту (до 1610 г.).	1598 Пресечение династии московских Рюриковичей и избрание Земским собором Бориса Годунова царем означало кризис традиционных представлений о верховной власти. Это обострило противоречия в правящей элите и усиливало активность служилого дворянства. Эти явления и голод 1601-1603 гг. вызвали восстания и гражданскую войну, первую в истории России. Внешнеполитическая активность Годунова обернулась во время Смуты агрессией Польши (1609) и Швеции (1611), проигранными Россией войнами, а также бес прецедентными по масштабам и формам контактами с Западом. Конфессиональная составляющая, мало заметная изначально, стала затем очень важной в военной-политической консолидации общества.
1618 Пражское восстание положило начало Тридцатилет-	1618 Переход на царскую службу «вольного казачьего

ней войне. В разрушительный конфликт втягивались все новые участники, причем поиск союзников распространялся далеко за пределами западного мира. Конфессиональный момент формально был важен и время от времени артикулировался, однако логика борьбы за веру отступала перед логикой династической, перед государственными интересами или военными перипетиями. Ощущение небывалого кризиса и попытки выхода из него зачастую путем архаизации политической жизни не мешали инновационным прорывам: от завершающего этапа военной революции до революции научной. Тяготы войны усиливали центростремительные силы, повышали роль представительных собраний, вызывали мятежи, порой оборачивающиеся революциями.	войска» из вязникского лагеря и заключение Деулинского перемирия означали завершение Смуты. Ее результатом стало почти полное разорение большинства областей России, резкое ослабление ее военного потенциала и внешнеполитических позиций. Новая династия Рома новых все же пыталась восстановить свои позиции на политической арене Европы. Возросшая роль Земских соборов позволила избежать новых кризисов. Смоленская война с Польшей (1632-1634), в целом неудачная для России, сопровождалась преобразованиями в русской армии. В целом Россия склонялась к разностороннему взаимодействию с силами антигабсбургской коалиции.
1648 Вестфальский мир, которому пред шествовали длительные переговоры, надолго определил систему международных отношений на Западе, за-	1648 В России вспыхнули городские восстания, грозившие новой Смутой. Смена правящей группы при юном Алексее Михайловиче при-

вершив процесс их деконфессионализации. И хотя после 1648 г. Испания продолжит войну с Францией и Португалией, но старые конфликты, начатые задолго до Тридцатилетней войны, были завершены – де факто признана независимость Швейцарии и Республики Соединенных провинций. В конце Тридцатилетней войны восстания бушевали в Португалии, Каталонии, Неаполе, во Франции, и даже в странах, напрямую не участвовавших в войне. Однако будущее было за правительствами, эффективно контролирующими свою территорию при помощи бюрократического аппарата.	вела к изменению внутриполитического курса. Позитивная роль Земских соборов позволила избежать общего кризиса в стране. Происходит укрепление позиций страны на международной арене, Россия стремится определить свое место в «Вестфальской системе» взаимодействия европейских держав. Продолжились преобразования в русской армии в духе военной революции. В сочетании с укреплением бюрократического аппарата это позволит России перейти к более активной внешней политике и справиться с потрясениями «бунташного века».

Таким образом, в череде событий на Западе и на Востоке Европы можно усмотреть единую логику. Но, главное, оба региона достаточно интенсивно сообщались друг с другом, порой образуя единое информационное поле, порой интенсифицируя экономические обмены, порой участвуя в общих политических процессах. За последнее время найдено немало новых источников по этой теме.

Далее предлагались следующие темы для обсуждения:

- Верховная власть, бюрократия и представительные институты в годы кризисов. Право на восстание.

- Конфессиональные конфликты, институты церкви и политические кризисы.
- Военные преобразования на Западе и в России в условиях долгих войн (Эхо «военной революции»).
- Взаимоотношения России и Запада: дипломатические миссии, личные контакты, матримониальные планы, проекты политического устройства Европы.

Наше письмо получило немало откликов из разных стран, досадным исключением из которых является именно Германия. Это неудивительно, если представить сколько конференций и коллективных трудов приурочены к юбилею начала Тридцатилетней войны в этой стране. Но и без «германских» текстов собранные материалы дают представление о богатой палитре оттенков заявленной темы. Это дало нам возможность разделить полученные статьи примерно по обозначенным выше рубрикам, добавив к ним еще один раздел, посвященный восприятию событий современниками и историками.

Надо признаться, что историки в глубине души не слишком жалуют «круглые даты», понимая всю их условность, хотя и мирятся с неизбежным злом «юбилейного мышления», дорожа возможностью привлечь внимание широкой публики, прессы и различного рода власть предержащих к своей работе. Но может ли дата или совокупность дат стать настоящей научной темой обсуждения?

Даты, разнесенные в пространстве, дают возможность синхронизировать наши знания об исторических процессах, что само по себе сулит определенные эвристические выгоды. Посмотреть, что происходило в разных частях Ойкумены, например, в 1618 г. – интересно и познавательно. Кстати, именно в 1618 г. началась длительная война китайского государства Мин с маньчжурами, ко-

торая сопровождаясь громадными потрясениями и народными восстаниями, приведя к провозглашению новой империи Цин в 1644 г. (попытки китайского контрнаступления продолжались и в 1648-49 гг.). Впрочем, наши знания пока не позволят нам установить прямую каузальную связь этих событий с тем, что происходило на европейском театре военных действий, хотя, возможно, сторонники Мир-Системного анализа или адепты интерпретации истории через климатические колебания с этой задачей бы справились.

Однако синхронистическое рассмотрение событий Западной и Восточной Европы более легитимно и более полезно.

Прежде всего, потому, что этим активно занимались сами участники событий. Католики и протестанты описывали Московию, вольно или невольно сопоставляя происходившие там события с западными коллизиями, в которых сами принимали активное участие как воины, политики, религиозные деятели. Иностранцы наемники сражались в России, запорожские казаки ценились Валленштейном и воевали во Фландрии, то на испанской, то на французской стороне. В Посольском приказе старались постичь и описать хитросплетения европейской политики, на Западе с интересом читали новости о событиях в России. В Москве не оставляли попыток привлечь в страну особ королевской крови, если не как претендентов на престол, то как царских зятьев. Россию не сбрасывали со счетов и в различного рода политических комбинациях. Некоторые из них хрестоматийно известны, но о ряде весьма экзотических проектов, как, например, желании посадить Якова I Стюарта на Московский престол, или перспективах русско-османско-шведского

союза, реанимирующих старый лозунг гёзов «Liever Turks dan Paaps», знают лишь специалисты.

Сопоставление Запада и Востока Европы дает возможность испытать на прочность многие теоретические конструкции. Хотя бы теорию конфессионализации, являющуюся азбучной истиной для немецких историков, но, порой, почитаемой сущей ересью для историков французских. Трудно не вспомнить книгу О. Хаксли «Серое преосвященство»¹. В деятельности отца Жозефа, зловещего руководителя тайной сети французских агентов в Европе, проступает истовая вера в реализацию эсхатологической мечты – отвоевания Гроба Господня под знаменем христианнейшего короля Франции. Этот тезис можно было бы списать на мистицизм и болезненное воображение английского литератора-пацифиста, ведь в историографии многократно повторяется мысль, что в умах реальных политиков того времени религиозные убеждения давно уступили место «государственному интересу». Но мы постоянно ощущаем в источниках глухие раскаты миллениаристских ожиданий – то в памфлетах времен английской Гражданской войны (постарому – Революции), то в восторженных свидетельствах Поссевино об успехах «Дмитрия Иоанновича», то в трактовке событий времен Богдана Хмельницкого как «судорог мира» при рождении Мессии, то в напряженных исканиях янсенистов. Если исходить из «Realpolitik», то чьими государственными интересами руководствовался Георг Лингельсхайм и сеть его единомышленников, способствующая сплочению евангелической унии? Следует ли трактовать участие в киевском православном братстве гетмана Сагайдачного как поли-

¹ Huxley A. Grey Eminence: A Study in Religion and Politics. London, 1941.

тический расчет или как что-то иное? Почему победа шведского оружия и шведской дипломатии склонила властную королеву Кристину к столь удивительному профессиональному выбору?

Мнение о том, что события Тридцатилетней войны и Смуты способствовали триумфу абсолютистских тенденций в политической теории и практике Европы, как Западной, так и Восточной, является общим местом в историографии. Но сопоставляя материалы политической истории всех европейских стран, можно убедиться, насколько сильными были иные политические традиции. Лозунг «нет налогов без представительства» еще не был произнесен, но растущие фискальные потребности грозили поставить власти в еще большую зависимость от собраний налогоплательщиков. Отказ Парламента выдать военные субсидии Стюартам существенно повлиял на весь ход Тридцатилетней войны, маргинализируя в ней роль Англии. Опасения того, что строптивые сословия Чехии блокируют доступ к жизненно важным для Габсбургов фискальным ресурсам во многом и подтолкнули Фердинанда II к решительным действиям, повлекшим за собой дефенестрацию. Правление двух первых царей династии Романовых стало золотым веком Земских соборов. Саму Тридцатилетнюю войну иногда рассматривают как столкновение двух политических проектов: *imperium absolutum* и *imperium mixtum*, централизаторско-абсолютистского и партиципативного. Проект чешских сословий мог увенчаться созданием широкой конфедерации стран Центральной Европы, «Великий проект» Генриха IV, известный нам из «мемуаров» Сюлли, якобы также предусматривал конфедерацию европейских народов, в которых наследственные монархии, монархии выборные и республики уравнивали бы

друг друга. Победил ли абсолютистский проект? Абсолютизм, обладавший достаточной военной и финансовой мощью, мог достаточно быстро концентрировать ресурсы для решения жизненно важных проблем. При этом само наличие устрашающей армии делало сопротивление налогоплательщиков менее эффективным, чем ранее. Может быть, XVII в. и был «малым ледниковым периодом», но заморозить государственные расходы никому не удавалось. К концу этого столетия, суммы, изымаемые правителями из карманов подданных возросли в несколько раз при общей тенденции к стагнации численности населения. Но очень часто за перенапряжение ресурсов страны следовала расплата. В Испании оно стоило карьеры Оливаресу, обернувшись потерей Португалии и части Каталонии. Ришелье повезло – он не дождался Фронды, казалось перечеркнувшей все его успехи. О том, во что вылилось лишь стремление монарха более свободно собирать налоги и распоряжаться ими по ту сторону Ла-Манша вообще лучше не вспоминать. «Бунташным» XVII в. был не только в России, о чем писали и Хью Тревор-Ропер и Борис Поршневу, только каждый по-своему. Успехи Англии и Нидерландов в последующий период заставляют говорить об усилении абсолютизма лишь как одной из возможностей, открываемых эпохой смут и потрясений.

История Запада и Востока Европы воспринималась людьми XVII века как нечто взаимосвязанное. Представляется, что современным историкам целесообразно продолжить эту традицию.